

милаго сердечко ищетъ, по зазнобушкѣ востосковалось. Найдешь дружка, выйдешь замужъ,—и тоска пройдетъ. Вѣрно оно такъ...

— Ахъ, дѣдушка, не то! — нетерпѣливо воскликнула Леночка. — Не нужно мнѣ дружка, не объ этомъ я думаю и замужъ не хочу... Потому скучно мнѣ жить, что дѣла мнѣ никакого нѣтъ и не знаю я ничего...

— Вонъ что! — задумчиво проговорилъ старикъ, не отводя газзѣ отъ заката. — Вотъ такъ-то оно всегда бываетъ. Отъ невѣденія томится человѣкъ, а и узнаетъ—еще пуще у него душа затоскуетъ... Не помогаетъ тоскѣ наука... вѣрно говорю, дитятко! И мудрые заблуждаются... Потому, — вѣры нѣту, человѣколюбія нѣту,—оттого и жизнь тошна. Расскажи мнѣ, дитятко, чѣмъ же твоя жизнь тошна, когда, по настоящему, тебѣ бы только игры да смѣхи надобны,—а?

— Какъ же не тошна? Ничего я не дѣлаю, да и всѣ-то мы здѣсь какъ живемъ? Только спимъ, ѣдимъ, объ ѣдѣ заботимся,—въ этомъ и работа вся... Развѣ такъ надо жить по настоящему? —горячо добавила Леночка.

Старикъ въ раздумѣ качалъ головою.

— Вѣрно, вѣрно, дитятко... Не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человѣкъ. Такъ бездѣлье тебя одолѣваетъ, говоришь... А молишься ли ты, дѣвушка?

— Молюсь, дѣдушка, но вѣдь что же въ молитвѣ? Вотъ ты самъ давеча сказать, что и молитву надо бросить, чтобы нуждѣ ближняго помочь.

— Ты и помогай, когда онъ къ тебѣ придетъ. Нужды на свѣтѣ много: захочешь лишь только, — она къ тебѣ сама придетъ, и искать не надо.

— А чѣмъ помогать? Этого-то я и не знаю... Придетъ ко мнѣ нужда, — а я и слова ей не съумѣю сказать... не могу... не знаю...

— Охъ, охъ, дѣвушка!.. — вымолвилъ Демидъ и, закрывъ глаза отъ солнца ладонью, пристально посмотрѣлъ на Леночку. — Нетерпѣливо сердце твое и горячій твой нравъ... Оттого большія бѣды тебѣ будутъ, ежели не смиришь ты себя. Бѣды большія и тяготы великія..

Леночка сильно вздрогнула, хотѣла что-то вымолвить, но низко нагнула голову и стала порывисто дергать траву изъ земли.

— Да, дѣвушка, вѣрно я говорю! — продолжалъ Демидъ, оживляясь. — Терпѣть и думать больше надо. Вотъ послушай, — я тебѣ про себя, пожалуй, расскажу. Грѣхъ я великій совершилъ во младости, а отчего? Оттого, что былъ нетерпѣливъ и вѣры